

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(4). 026

*М. В. Кузьмина***«ИСТОРИОПИСАТЕЛИ ВТОРОГО ПЛАНА» — КТО ОНИ?
(НЕКОТОРЫЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ
НА ПРИМЕРЕ ДВУХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ФРАНЦУЗСКИХ АВТОРОВ)**

В статье рассматривается проблема «историописателей второго плана», равно как и сопряженная с ней проблема «человека второго плана в истории». Утверждается, что эта проблема решается всякий раз заново самим исследователем, который в зависимости от своей конкретной научной задачи выбирает те или иные источники, авторы которых могут им рассматриваться как «историописатели второго плана», даже если в изучаемый конкретный исторический период эти люди не оказывали никакого влияния на ход событий или оно было весьма незначительным, т. е. были «людьми второго плана». В статье подчеркивается, что проблема «человека второго плана», «историописателя второго плана» связана с неопределенностью исторических понятий. Библиогр. 29 назв.

Ключевые слова: историописание, историописатели второго плана, человек второго плана, нарративный источник, личность, неопределенность исторических понятий.

**“HISTORIOGRAPHERS OF THE SECOND PLAN” — WHO ARE THEY?
(APPROACHES TO THE PROBLEM OF SOME SCIENTIFIC NOTIONS UNCERTAINTY
BASED OF THE ANALYSIS OF TWO MEDIEVAL FRENCH TEXTS)***М. N. Kuz'mina*

The article discusses two concepts: “historiography of the second plan” and “man of the second plan in history”. The main idea is that every researcher when he selects the historical sources to solve some scientific problems may choose which concepts to use in his own research. In other words the decision depends on the particular purpose of the researcher. Besides that the author considers because of an uncertainty of some scientific notions arise the difficulties in using them. In the article the author is trying to prove that the researcher has to define the notions he uses. Refs 29.

Keywords: historiography, historiographer of the second plan, man of the second plan, narrative source, individual, uncertainty of the historical notions.

Кузьмина Маргарита Владимировна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Российская Федерация, 119334, Москва, Ленинский проспект, 32а; kuzmmargarita@yandex.ru

Kuzmina Margarita V. — Ph.D., Senior Researcher, Institute of World History, RAS, 32a, Leninsky pr., Moscow, 119334, Russian Federation, kuzmmargarita@yandex.ru

Настоящее исследование, которое можно было бы с большим основанием назвать эссе, проистекает из более широкой темы, ставшей уже довольно давно средоточием интересов широкого круга отечественных историков — «человек второго плана в истории». Существует целое направление в отечественной историографии, посвященное разработке этой проблематики¹. Проект, начавший свое существование в 2003 г., распадается на два блока: «человек второго плана в истории» и «человек-историк второго плана».

Кого же можно назвать «человеком второго плана»? Таковым, как указывают некоторые исследователи, можно считать практически любого индивида, «не зафиксированного на историческом экране «самым крупным планом»». Но это может быть, в том числе, и незаурядная личность, не претендующая на движущую роль в истории, но как никто другой отражающая в делах и мыслях основные коллизии своей эпохи [Репина 2010, с. 14–15]. Причем типологические признаки «человека второго плана» формулируются ситуативно или в зависимости от контекста [Корзун, Колеватов 2009, с. 347; Репина 2010, с. 14–15]². Разработчики проекта подчеркивают, что большое значение при оценке исторической личности и ее деятельности имеет «выбор угла зрения и того социокультурного контекста, в соотношении с которыми осмысливается историческая роль данной конкретной личности» [Репина 2010, с. 16].

На этом моменте хочется сделать акцент, поскольку именно позиция исследователя имеет большое, если не решающее значение. Другими словами, и это очевидно, сам историк на основе имеющихся в его распоряжении источников (прежде всего нарративных), интерпретируя их в соответствии с поставленной исследовательской задачей, учитывая их многоаспектность, их особенности, в конечном итоге решает, считать ли автора анализируемого текста «человеком второго плана», или «историописателем второго плана». В каждом конкретном случае (в рамках той или иной научной проблемы) ответ на этот вопрос может быть разным. Особенно заостренно проблема автора «второго плана» может стоять при анализе анонимных источников.

Сложность и неоднозначность концепта «человек второго плана» в истории напрямую связан с проблемой смыслового наполнения понятий «историография» и «историописание» (во всяком случае, так стоит вопрос в русскоязычной научной литературе³). Именно невозможность достаточно точно определить смысловые границы этих понятий и порождает путаницу. При этом «человек второго плана» может быть «историописателем первого плана», и наоборот.

---

¹ Уже вышла в свет серия сборников научных статей «Человек второго плана в истории».

² Как указывают редакторы сборника «Человек второго плана в истории» в своем предисловии («От редакции»), если в начале проекта его участников «интересовали «объективные критерии выделения данного исторического типажа, то в дальнейшем стал очевиден более широкий эпистемологический потенциал рассматриваемого концепта.... Стало очевидно, что данный концепт позволяет фокусировать исследовательский интерес на самых неожиданных социокультурных проекциях человеческой субъективности...» [Человек второго плана в истории, с. 3].

³ Бернар Гене отметил, что и в современном французском языке термин «историография» отличается некоторой двусмысленностью. Во французской историографии после 1845 г. слово «историография» распространилось в значении, какой этот термин имел в немецком языке, т. е. история историографии, это и вызвало необходимость дать разъяснение, что он сам подразумевает под словосочетанием «историография Средних веков» [Гене 2002, с.13–14].

На сегодняшний день проблема различения «историописания» и «историографии», а также то, кого можно назвать историописателем, а кого «историографом», весьма актуальна. Многие исследователи столкнулись с ней, работая над своими конкретными историческими сюжетами. Являются ли авторы нарративных источников историографами, или они все же историописатели, если — да, то какого уровня? Можно ли считать «историописателем» автора менее высокого уровня, чем «историограф», который осознанно ставит перед собой задачу написания «истории»? Возможно, проблема носит надуманный характер? Историки, озаботившиеся этими далеко не праздными вопросами, не дают однозначного ответа. Предлагается (в частности, С. Г. Мереминским) рассматривать историописание двояко: как процесс создания исторических текстов и как результат этого процесса, т. е. совокупность текстов о прошлом, написанных в определенное время и в определенном регионе [Мереминский 2010, с. 18]. Хотя, как отмечают сами исследователи, эти определения, в свою очередь, рождают много вопросов [Мереминский 2010, с. 17]. Историки используют зачастую слова «историописатель» и «историограф» в качестве синонимов. Уже в период Средних веков люди, пишущие исторические сочинения, называли себя «*historiographi*» [Польская 2007, с. 12], а, как отмечает М. С. Бобкова, в XVI–XVIII вв. существовало несколько терминов для описания прошлого: «историописание», «история», «искусство истории». Она не ставит вопрос о том, нужно ли считать историков Античности или Средневековья историописателями, а вот историков, скажем, XIX в. — историографами, но использует оба понятия — «историописание» «и историография» — для определения процесса создания исторических сочинений историками прошлых столетий [Бобкова 2008, с. 16, 191]. Многие исследователи вообще не склонны акцентировать возможные смысловые расхождения этих понятий, а применяют термин «историография» ко всему массиву исторических сочинений независимо от времени их создания [Репина, Зверева, Парамонова 2013]. Бернар Гене, посвятивший исследование историкам Средневекового Запада, решил для себя вопрос о том, что считать историографией Средневековья (при этом перед ним не стояла проблема разграничения понятий «историописание» и «историография»), однозначно: «Во имя ясности и точности я буду всегда употреблять термин “историография” в смысле “труды по истории”; “средневековая историография” всегда будет у меня обозначать весь корпус трудов, написанных средневековыми историками» [Гене 2002, с. 13–15].

Такая неопределенность, размытость некоторых исторических понятий порождает ряд трудностей в работе историка. Создается ситуация, когда каждый исследователь вынужден сам решать, как ему выходить из создавшегося положения. Мне кажется, что при попытках определить, что такое «историописание», мы должны иметь в виду прежде всего наличие у того или иного нарративного источника конкретного автора, пусть даже и анонимного. Практически любой нарративный источник можно трактовать как результат неосознанного историописательства. Ведь, согласно этимологии слова, «*istor*» — это тот, кто видит, одновременно являясь тем, кто знает. Первоначально «истор» — это, с одной стороны, свидетель, очевидец, с другой — сведующий, осведомленный человек. Другими словами, этот тот, кто собирает сведения разными путями у тех, кто видел, но и тот, кто или сам видел, или переживал событие и рассказывает сам как очевидец [Савельева, Полетаев 2003, I, с. 312–313]. Вторым важным моментом является вопрос о целях, ко-

торые лежали в основе создания текстов. При этом я не имею в виду труды, авторы которых сознательно писали «историю». В период Средневековья тексты могли писаться в целях развлечения, поучения, фиксации важных с точки зрения автора событий. В этом смысле исследователю следует исходить из понимания того, что любой источник — историческое свидетельство разного уровня достоверности. Однако при этом оно остается ценным и необходимым звеном при реконструкции экономической, политической, социокультурной реальности отдаленного прошлого, а автора практически любого нарративного источника при таком подходе можно было бы назвать «историописателем».

Далее, при выявлении смысла понятий «историописание» и «историописатель» не последнюю роль играет опыт самого историка — исследователя. Как участник такого двустороннего диалога он может определить, считать ли автора источника историописателем в «чистом виде», или перед ним автор, которого сам исследователь называет историописателем в силу самого характера изучаемого материала. К тому же, в зависимости от того, какую информацию можно извлечь из того или иного источника, работая над конкретной исторической задачей, исследователь определяет, можно ли считать автора этого источника историописателем второго плана (что не умаляет ценности материала) или же перед нами нечто иное, не имеющее отношения к историописанию. В любом случае «историописатель второго плана» сплошь и рядом оказывается понятием таким же весьма относительным, как и понятие «человек второго плана»⁴. А ведь некоторые исследователи говорят еще и о «людях третьего плана»⁵.

Однако, если исходить из того, что «любой текст создает (конструирует) реальность» [Савельева, Полетаев 2003 I, с. 314–320], наличие авторства при многозначности слова «история» и «историописание» делает эти понятия более определенными. Встает вопрос о качестве сведений самих источников.

Учитывая этот фактор, многих средневековых авторов, зачастую оставшихся анонимными, можно считать историописателями второго плана. Таковыми их можно считать, как мне представляется, отчасти как из-за анонимности, делающей авторов «одними из многих», так и судя по характеру тех целей и задач, какие они имели в виду, принимаясь за свои труды. Как правило, эти цели были просты и не претендовали на всеобщность охвата. Речь тут может идти, еще раз хочется сказать об этом, о разных «планах выражения» и «планах содержания», что важно для исследователя. Например, кто-то хотел поучать свою жену, как это сделал, в частности, автор «*Le Ménager de Paris*» [*Le Ménager de Paris* 1846, I, II], а у кого-то было желание зафиксировать «на бумаге» то, что пережил, выразить свое отношение к происходившим в Париже событиям, как это сделал автор «*Journal d'un bourgeois de Paris*» («Дневник буржуа Парижа») [*Journal d'un bourgeois de Paris* 1881]⁶. В этом

⁴ Мне кажется уместнее использовать слово «понятие», а не «термин», хотя все-таки чаще всего в историографии используют слово «термин» для обозначения этих дефиниций.

⁵ Выражение, которое пришлось услышать на X конференции «Человек второго плана», прошедшей с 25 по 27 апреля 2012 г. в Ростове-на-Дону.

⁶ Я предпочитаю переводить именно так, как это сделала еще при написании диплома, священного «*Journal d'un bourgeois de Paris*» (научный руководитель Н. А. Хачатурян), хотя в отечественной историографии можно встретить следующие переводы: «Дневник парижского буржуа», «Дневник парижского горожанина». Все эти переводы имеют право на существование, и все они (как и в случае с переводом названия «*Le Ménager de Paris*») будут не очень точными. Было бы пред-

«дневнике» мы можем проследить довольно четко выраженную личную авторскую позицию, что особенно ценно для этого периода, когда формы выражения личности были весьма ограничены. Причем оба источника, которые являются свидетельством и общепринятых ментальных установок, и характерных для этого исторического периода взглядов, тем не менее можно смело считать по-своему уникальными.

Обратимся к хорошо известному и столь же активно используемому историками источнику — «Journal d'un bourgeois de Paris». Для конца XIV — первой половины XV в. мне пока известен только еще один, частично опубликованный, текст так называемой «Chronique d'un bourgeois de Verneuil» (Хроники буржуа города Верней, 1884). Отчасти, учитывая нечеткость понятия «жанр» в период Средневековья, эту хронику можно сблизить с «Journal d'un bourgeois de Paris», но качество материала нельзя сравнить с последним. Написанный хотя и клириком, но светский по характеру, «Journal d'un bourgeois de Paris» богат такими подробностями жизни Парижа первой половины XV в., какие трудно найти еще где-либо. Совсем другим типом источника является «трактат» «Le Ménagier de Paris»⁷. Несомненно, текст создавался в рамках христианской нравоучительной традиции и во многом лишен ярко выраженной авторской позиции, которая радикально не совпадала бы

почтительнее оставить название на французском языке, оговорив возможные переводы в сноске. Одно из последних изданий «дневника» на французском языке осуществлено в 1990 г.: [Journal d'un bourgeois de Paris... 1990].

⁷ «Le Ménagier de Paris» — хорошо известный историкам-медиевистам источник по истории Франции конца XIV в. На основе трех сохранившихся экземпляров книги (все списки — XV в.) Ж. Пишон издал два тома, первый из которых содержал поучения мужа жене морально-нравственного толка, а второй был посвящен вопросам организации домашнего хозяйства, охоте и кулинарии. Правда, в предисловии изданного в 2009 г. текста «трактата» на английском языке упоминается еще и манускрипт — копия XVI в., хранящийся в Национальной библиотеке Люксембурга [The Good Wife's Guide. Le Ménagier de Paris. A medieval household book]. Неизвестно, является ли название «Le Ménagier de Paris» авторским наименованием или книгу так называли переписчики. На русский язык условно название можно перевести как «Парижский домохозяин», «Парижский домовод» или «Парижский Домострой» — все они встречаются в русскоязычной историографии. Однако по ряду причин предпочтительнее оставить название без перевода — «Le Ménagier». Адекватный перевод слова «le ménagier» на русский язык весьма затруднителен, хотя Ж. Фавье и говорит, что слово это означает просто-напросто «хозяин дома» [Фавье 1999, с.185]. «Словарь старофранцузского языка и всех его диалектов с IX по XV век» Ф. Годфруа начинает ряд синонимов со слова «mesnage» — дом, манор, члены одного хозяйства, а «mesnagier» определяет как «домочадец, эконом, управляющий» [Godefroy 1888, p.291–294]. Другой словарь — Le Grand Robert de la langue française — дает такие значения слова «ménager»: домашняя жизнь, включающая все материальные аспекты, все, что касается внутренней жизни семьи и доходов, а также управление домашними делами и экономия [Le Grand Robert de la langue française, p.359–362]. «Словарь утеранных смыслов» (составители А. Дюшен и Т. Лерэ) глагол «ménager» определяет как «управлять, вести заботливо дела, направлять» [Duchesne, Leguay 1990, p.168]. С XIII в. слово «ménage» означает совместную жизнь мужчины и женщины в рамках супружеской пары [Dictionnaire historique de la langue française 2000, p.2190–2191]. Некоторые специалисты, в частности Дженнет Феррье, считают возможным оставить название трактата без перевода, предпочитая именовать его «Le Ménagier» [Ferrier 1977]. Учитывая, что невозможно дать перевод названия трактата так, чтобы оно включало весь спектр смыслов, я также считаю совершенно оправданным оставить его без перевода. Есть еще одна причина, по которой перевод названия источника на русский язык весьма спорен. Так, иногда используется перевод, сближающий русский «Домострой» с французским «трактатом», и тогда появляется «Парижский Домострой», что также не вполне правомерно. Нужно учитывать, что русский «Домострой» по своему составу и содержанию не может быть однозначно идентифицирован с «Le Ménagier de Paris», хотя у них есть много общего.

с общепринятыми образцами. Несмотря на это, в тексте можно обнаружить поддающиеся анализу личностные подходы автора, что его выделяет из большого количества дидактических текстов своего времени. Рассуждения общего порядка перемежаются в тексте источника с бытовыми зарисовками и сопровождаются оценками, которые вполне можно квалифицировать как личное мнение автора. Этот обширный по объему труд чаще всего привлекает внимание в качестве сборника рецептов средневековой кухни, хотя есть, пусть и не слишком многочисленные, работы, посвященные как источниковедческому анализу текста, так и историческим проблемам⁸, вытекающим из возможностей его интерпретации.

Труды обоих авторов, скорее всего, не предназначались для широкой публики в том смысле, как это понимается сейчас. Как уже упоминалось, автор «*Journal d'un bourgeois de Paris*» не предназначал свой труд широкому кругу читателей, а вот с «*Le Ménagier de Paris*» дело обстоит сложнее. Я не располагаю точными сведениями о бытовании книги в период после ее создания, однако предполагаю, что предназначался этот труд не только для домашнего чтения в кругу семьи автора, но и для чтения в семьях их льнянужей, т. е. в семьях, родственных автору и его супруге [Кузьмина 2011]. Это тема отдельного исследования.

В рамках проблематики статьи важен тот факт, что эти анонимные авторы смогли оставить свое свидетельство о времени, в котором они жили, когда индивиду еще трудно было себя выразить в рамках предлагаемых обществом возможностей. Осмысливая современную действительность в выбранных ими формах повествования (дневник-хроника, поучение), они дали нам возможность, в свою очередь, интерпретировать созданные ими тексты в поисках того, что мы могли бы назвать переживаниями, представлениями, мироощущением, да и фактологический материал, вполне верифицируемый по другим источникам, весьма ценен. Таким образом, став невольно «историописателями», оба автора, пусть в силу разных причин, достаточно ограниченно, неполно и «по-своему», но все же отразили определенные аспекты современной им жизни. Можно ли о них говорить как о людях «второго плана»? Думается, что ответ должен быть положительным, хотя бы потому, что из текстов этих источников невозможно понять, какую роль они играли в общественной жизни, и была ли эта роль значима и важна — ведь даже имен их мы не знаем, чтобы найти упоминание о них в других источниках.

Автор «*Journal d'un bourgeois de Paris*» вел свой дневник практически сорок с лишним лет: с 1405 по 1449 г. Записи эти иногда неполные, иногда весьма подробные. Иной год занимает в них совсем немного места, а другой, напротив, отличается более полным освещением, но это всегда «его» восприятие действительности, а отбор фиксируемых фактов, событий диктуется личными интересами автора дневника. Это жизнь отдельного человека, вплетенная в жизнь города, королевства, в жизнь других людей. Так, его (по косвенным признакам — клирика Парижского университета) весьма интересует то, что мы сейчас определили ли

---

⁸ Изучению «*Le Ménagier de Paris*» посвящено не так уж и много работ, как это может показаться, так что говорить о существовании традиции в его изучении вряд ли возможно. Укажем некоторые: [Crossley-Holland 1996; Rose 2008; Brereton 1953, 1958; Ferrier 1977; Lefort 1983; на русском языке: Кузьмина 2011; Цатурова 1991]. Между прочим, Кристин Роуз также указывает на то, что перевод с французского на английский слова «*le Ménagier*» как «*The Goodman of Paris*» неверен и предпочтительнее, по ее мнению, название «*The book of housekeeping of Paris*».

бы как «политика», а именно: действия городских властей, короля, его администрации, англичан, правда, не столько в отношении всей Франции, сколько в отношении Парижа. Но он описывает и то, что составляет повседневность, выступая в ипостаси яркого бытописателя. Мы узнаем, каковы были в определенный период цены на продукты и дрова, каковы были развлечения и что за процессии устраивались, о природных явлениях. Столетняя война для него — это прежде всего те события, что происходят в Париже, а затем уже на другой территории королевства. При этом автор в той или иной степени сам участвует в описываемых событиях либо передает сплетни, слухи, но это практически всегда интересно. Даже высказываемые этим человеком предположения, суждения или пересказ чужого мнения — ценнейший материал при изучении социокультурной истории Франции первой половины XV в.

Можно сказать, что «Дневник» — это история, понимаемая как историописание (тем более что автор зачастую использует не только собственно хронологический принцип записей, но и ссылается на принятые в эпоху Средневековья хронологические метки — Троянская война, эра Диоклетиана и т. д.). Но в то же время это и личные записи парижанина, с достаточно ярко выраженной позицией, часто эмоционально окрашенной, и именно потому очень ценные, поскольку то, что неуловимо (переживания, впечатления, чувства), мы хотим найти в письменных свидетельствах прошлого.

Иного характера нарратив представляет собой «*Le Ménagier de Paris*». Автор не только совершенно осознанно создавал свой труд в поучение юной супруге, но и считал, вероятно, что этот труд будет полезен впоследствии и его дочерям, которые родятся, и всем женщинам его сословия. Однако анонимный автор не ставил перед собой задачу создания рассказа-истории о своем времени, ставя тем самым себя целенаправленно и осознанно в один ряд с историками (историографами). Тем не менее перед нами история Франции конца XIV в. Но какая история? Это, если хотите, история жизни отдельного человека в современном ему обществе в рамках христианско-нравственных идеалов; это история межличностных отношений в конкретный исторический период. При этом как человек образованный сам автор «вписывал» себя в те традиции историописания, которые уже существовали, — античную и библейскую, пусть даже и традиционно ссылаясь на них, прежде всего из желания повысить тем самым авторитетность своих высказываний и продемонстрировать собственную образованность. В разных местах своего сочинения и по разным случаям он, в частности, ссылается на Тита Ливия, Августина, Кассиодора, не говоря уже о Ветхом и Новом Заветах.

Если первый источник отличается конкретикой в описываемых автором событиях, подчас малозначащих, чисто бытовых, но, безусловно, при осознании себя в качестве звена в цепи предыдущих поколений больше, чем последующих, то в «*Le Ménagier de Paris*» эта связь времен (и через предков, и через потомков) ощущается сильнее именно в силу характера создаваемого автором текста — научить на примере отцов и дедов настоящее и будущее поколение, используя не только личный опыт, но и в том числе авторитетное мнение богословов начального периода христианской эры. Возможно, это есть особая форма историописания?

В конце концов, как полагают исследователи, конструируемая историческим нарративом реальность — «действительная» и «вымышленная» — имеет беско-

нечное число промежуточных вариантов между этими двумя идеальными типами, но на самом деле не существующими в чистом виде [Савельева, Полетаев, с. 320].

«Le Ménagier de Paris» и «Journal d'un bourgeois de Paris», можно сказать, в определенной мере дополняют друг друга. Возьмем, например, известные кулинарные рецепты из второго тома «Le Ménagier de Paris», которые нынче публикуются и в Интернете, и в многочисленных изданиях. Эта часть труда анонимного автора выполняет скорее репрезентативную функцию, призванную показать его возможности как хозяина и как человека, стремящегося «приобщиться» к высокой кухне богатых.

Мы узнаем, какие продукты и специи использовались при приготовлении тех или иных блюд. В частности, это имбирь, корица, гвоздика, галанговый корень (вид кардамона), шафран; улитки, лягушки, говяжий язык, форель, тунец, лосось и т. д., а из вин — гипокрас и кларет, первое из которых делалось с добавлением сахара, что могли себе позволить лишь богатые люди. Скорее всего, блюда с такими ингредиентами не входили в каждодневное меню, но, вероятно, были известны многим поварам из богатых домов, ими угощали на званых обедах. Потребление блюд сопровождалось определенным ритуалом, имело свои особенности и правила. Это важная часть повседневной жизни, в которой проявилась ее социально-культурная составляющая. Как отметил М. Пастуро, говоря о рецептурных книгах по красильному делу, что следовало бы их изучать в комплексе, как отдельный литературный жанр. Это обогатило бы наши знания о многих сторонах жизни средневекового общества [Пастуро 2012, с. 192–193]. Но ведь то же самое можно сказать и о рецептурных сборниках любого вида, в том числе и о рецептурной части «Le Ménagier de Paris». Перечисление автором «трактата» представителей определенных ремесленных профессий и купцов, торгующих товарами, в которых нуждается эта богатая семья, показывает как уровень жизни, так и уровень притязаний.

Автор же «Дневника» дает сведения о самых обычных продуктах, даже не самого высокого качества, которые могли покупать на рынках абсолютно все и из которых готовились самые простые блюда (о гипокрасе — пряном вине, к примеру, речи не идет). Это другой уровень жизни, но не исключаящий и потребления дорогих или редких продуктов, если позволяли обстоятельства. Например, запись от 1415 г. сообщала: «Хлеб стоил тогда очень дорого, а тот, что прежде был за 8 бланов, стоил теперь 5 солей парижских. Хорошее вино стоило 2 денье парижских за пинту. В это время ворота оставались замурованы, как и прежде, для герцога Бургундского, который был близ Парижа, и для его большого военного отряда, поэтому сыр и яйца [были так дороги]: только за 3 яйца платили 1 блан, а за один простой сыр — 4 или 5 солей парижских» [Journal d'un bourgeois de Paris 1881, p. 67]. Далее, запись от 1418 г.: «А на Пасху 25 штук яиц стоили 8 бланов, совсем маленькая головка белого сыра стоила 6 или 7 бланов, фунт старого солёного масла — 7 или 8 бланов, 5 или 6 бланов — маленький кусок говядины или баранины» [Journal d'un bourgeois de Paris 1881, p. 85–86]. Или запись за тот же год: «...Всё становилось более и более дорогим. В сентябре... сотня хороших поленьев стоила по-прежнему 2 франка, мешок угля — 16 парижских солей, муль дров — 10 или 12 солей парижских, фунт солёного масла — 7 или 8 бланов, яйца — 2 денье парижских за штуку, маленький сыр — 3 соля парижских, самые маленькие груши и яблоки — 1 денье за штуку, две маленьких луковицы — 2 денье парижских, 2 или 3 блана — за совсем слабое вино,

и так всё остальное» [Journal d'un bourgeois de Paris 1881, p. 113]. Таких свидетельств в «Дневнике» очень много.

Разумеется, следует учитывать, в каких условиях писались оба труда. Это два разных уровня и потребления, и жизни в целом, но в рамках одного исторического периода. Автор «Le Ménagier de Paris» писал свой труд в относительно спокойной обстановке (примерные годы создания — 1392–1394), в комфорте обеспеченной жизни.

«Дневник буржуа Парижа» писался в более тяжелых условиях (особенно это касается первой части дневника с 1405 по 1422 г.), на его страницах зафиксировано изменение цен на продукты и другие товары широкого спроса, ставшее результатом сложной политической и экономической ситуации в стране. Тем не менее автор, человек также не бедный, перечисляя цены на самые необходимые продукты, дает представление о питании самых широких кругов в это время. Обилие бытовых подробностей у автора «Дневника» помогает «увидеть» ту изнанку жизни парижан первой половины XV в., да и более раннего времени, каковая у автора «Le Ménagier de Paris» не так явна, поскольку он не испытывал тех лишений, что жители Парижа пятнадцатью годами позже.

Оба источника (разноплановые по характеру и целям) есть исторические тексты, несущие историческое знание, а их авторы, создавшие эти тексты, — историописатели. Авторы не руководствовались задачей оставить потомкам «историю», но так выходит, что нам они оставили именно историю своего времени в том объеме и в таком ракурсе, на какие были способны.

Но поскольку они сами не руководствовались целью стать историками своего времени и не оставили о себе почти никакого биографического материала, их можно было бы условно назвать «историописателями второго плана». Правда, и хочется еще раз указать на это, вопрос о «второплановости» авторов нарративных источников остается очень неопределенным и зависит от многих факторов, в том числе и от позиции исследователя, на профессиональном уровне занимающегося уже собственно историографией, в основе которой лежит научный анализ исторических текстов. Именно он в полном соответствии со своей конкретной исследовательской проблемой решает, считать ли автора того или иного источника историописателем первого или второго плана, анализируя что именно, в каком объеме, под каким углом зрения дает нам текст такого источника.

В заключение еще раз подчеркнем необходимость для исследователя объяснения тех понятий и терминов, которые он намеревается использовать в ходе анализа своих источников, поскольку от того, какой смысл он в них видит, зависят и сделанные им выводы. Как мы попытались показать, проблемы «человека второго плана» и «историописателя второго плана» могут быть взаимосвязаны, но не могут быть однозначно решены раз и навсегда, поскольку только в процессе конкретного исторического исследования, имеющего определенные цели и задачи, сам исследователь может решить, кого считать человеком «второго плана» или «первого плана», а кого — историописателем «второго» или «первого» плана.

Источники и литература

1. Бобкова М. С. Западноевропейское историописание «эпохи катастроф»: учеб. пособие. М.: Книжный дом «Университет» (КДУ), 2008. 251 с.

2. *Гене Бернар*. История и историческая наука средневекового Запада / пер. с фр. Е. В. Баевской и Э. М. Береговской. М.: Языки славянской культуры, 2002. 494 с.
3. *Корзун В. П., Колеватов Д. М.* На первый-второй рассчитайсь: человек второго плана как исследовательский проект // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 28. М.: Наука, 2009. С. 342–357.
4. *Кузьмина М. В.* Индивид и общество: нравственные идеалы в понимании автора «Le Ménagier de Paris» (Франция, конец XIV века). Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. 250 с.
5. *Кузьмина М. В.* Индивид и общество: нравственные идеалы в понимании автора «Le Ménagier de Paris» (Франция, конец XIV): автореф. ... канд. ист. наук. М.: ИВИ РАН, 2011. 35 с.
6. *Мереминский С. Г.* Понятие «историописание», его содержание и границы // Терминология исторической науки. Историописание. М.: ИВИ РАН, 2010. 338 с.
7. *Пастуро М.* Символическая история европейского Средневековья. СПб: Александрия, 2012. 447 с.
8. *Польская С. А.* Инструментарий средневекового историка // Cogito. Альманах истории идей. Вып. 2. Ростов н/Д.: НМЦ «Логос», 2007. С. 11–34.
9. *Репина Л. П.* От исторической биографии к биографической истории // В тени великих. Образы и судьбы. СПб: Алетейя, 2010. 400 с.
10. *Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю.* История исторического знания. Базовый курс / под общ. ред. Л. П. Репиной. 4-е изд. М.: Юрайт, 2013. 288 с.
11. *Савельева И., Полетаев А.* Значение и смысл «истории» // Homo Historicus. К 80-летию со дня рождения Ю. Л. Бессмертного. В 2 кн. Кн. I. М.: Наука, 2003. 797 с.
12. *Фавье Ж.* Франсуа Вийон / пер. с фр. В. А. Никитина. М.: Молодая гвардия, 1999. 414 с.
13. *Цатурова С. К.* «Парижский Домострой» и особенности культуры средневековой Франции // Библиотека и история. Государственная Публичная историческая библиотека: страницы истории. Вып. I, ч. II. [Б. м.], 1991. С. 120–141.
14. Человек второго плана в истории. Вып. 5. Ростов н/Д.: ЮФУ, 2008. 300 с.
15. *Brereton G.* Deux sources du Ménagier de Paris: Le Roman des sept sages de Rome et Les Moralitez sur le jeu des eschecs // Romania. Revue trimestrielle consacrée à l'étude des langues et des littératures romanes. 1953. T. LXXIV. P. 338–337.
16. *Brereton G.* Titres et termes d'adresse dans Le Ménagier de Paris // Romania. Revue trimestrielle consacrée à l'étude des langues et des littératures romanes. 1958. T. LXXIX. P. 471–484.
17. *Crossley-Holland N.* Living and dining in medieval Paris. The household of a fourteenth century knight. Cardiff: University of Wales Press, 1996. 244 p.
18. *Duchesne A., Leguay T.* La surprise: Dictionnaire des sens perdus. Paris: Larousse, 1990. 285 p.
19. Dictionnaire historique de la langue française sous la dir. de Alain Rey. 3 t. T. 2. Paris: Le Robert, 2000. 2909 p.
20. *Ferrier J. M.* A Hasband's asides: the use of the second person singular in Le Ménagier de Paris // French Studies (Oxford). 1977. July. Vol. XXXI, N 3. P. 257–267.
21. Journal d'un bourgeois de Paris (1405–1449) / éd. A. Tuetey. Paris: H. Champion, 1881. 413 p.
22. Journal d'un bourgeois de Paris de 1405 à 1449 / Texte original et integral présenté et commenté par Colette Beaune. Paris: Lgf, 1990. 539 p.
23. Chronique d'un bourgeois de Verneuil (1415–1422) // Bulletin de la société de l'histoire de Normandie. Années 1880–83 (Rouen). 1884. P. 214–224.
24. *Godefroy F.* Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IX au XV siècles. 10 t. T. V. Paris: F. Vieweg, E. Bouillon, 1881–1902. 1888. 812 p.
25. Le Grand Robert de la langue française. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française de Paul Robert. Deuxième édition. 9 t. T. 6. Paris: Le Robert, 1986. 1046 p.
26. Le Ménagier de Paris, traité morale et d'économie domestique, composé vers 1393 / éd. par J. Pichon. T. I, II. Paris: imp. de Crapelet, 1846. T. I — 384 p., t. II — 336 p.
27. *Lefort Ph.* Idéologie et morale bourgeoise de la famille dans Le Ménagier de Paris et Le Second Libro de Famiglia, de L. B. Alberti. Florence: Institut universitaire européen, 1983. 26 p.
28. *Rose Ch. M.* What every goodwoman wants: the parameters of desire in Le menagier de Paris / The Goodman of Paris // Studia Anglica Posnaniensia: An International Review of English Studies. 2008. N 38. P. 393–410.
29. The Good Wife's Guide. Le Ménagier de Paris. A medieval household book. Ithaca: Cornell University Press, 2009. 384 p.

References

1. Bobkova M. S. *Zapadnoevropeiskoe istoriopisanie «epokhi katastrof»: ucheb. posobie* [The historiography of “era of catastrophes” in the Western Europe: schoolbook]. Moscow: Knizhnyi dom «Universitet» (KDU) Publ., 2008. 251 p. (in Russian)
2. Gene Bernar. *Istoriia i istoricheskaia nauka srednevekovogo Zapada* [History and the science of history in the Middle Ages West]. Transl. form French by E. V. Baevskoi i E. M. Beregovskoi. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2002. 494 p.
3. Korzun V. P., Kolevatov D. M. Na pervyi-vtoroi rasschitais': chelovek vtorogo plana kak issledovatel'skii proekt [By twos count off: a man of the second plan as a research project]. *Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noi istorii* [Dialogue with Time. Intellectual History Review]. Iss. 28. Moscow: Nauka Publ., 2009. P. 342–357. (in Russian)
4. Kuz'mina M. V. *Individ i obshchestvo: nravstvennye idealy v ponimanii avtora «Le Ménagier de Paris» (Frantsiia, konets XIV veka)* [Individual and society: the understanding of moral ideals by the author of “Le Ménagier de Paris”]. Saarbrücken: Lambert Acaemic Publishing, 2011. 250 p. (in Russian)
5. Kuz'mina M. V. *Individ i obshchestvo: nravstvennye idealy v ponimanii avtora «Le Ménagier de Paris» (Frantsiia, konets XIV): avtoref. ... kand. ist. nauk.* [Individual and society: the understanding of moral ideals by the author of “Le Ménagier de Paris”: Thesis of cand. hist. sci. diss.]. Moscow: IVI RAN Publ., 2011. 35 p. (in Russian)
6. Mereminskii S. G. Poniatie «istoriopisanie», ego sodержanie i granitsy [The notion of the “historiography”, its content and confines]. *Terminologiiia istoricheskoi nauki. Istoriopisanie* [Terminology of the historical science. Historical writing]. Moscow: IVI RAN Publ., 2010. 338 p. (in Russian)
7. Pasturo M. *Simvolicheskaiia istoriia evropeiskogo Srednevekov'ia* [The symbolic history of the Middle Ages in Europe]. St. Petersburg: Aleksandriia Publ., 2012. 447 p. (in Russian)
8. Pol'skaia S. A. Instrumentarii srednevekovogo istorika [The tools of the medieval historian]. *Cogito. Al'manakh istorii idei* [Cogito. Almanac of the ideas history]. Iss. 2. Rostov on Don: NMTs «Logos» Publ., 2007. P. 11–34. (in Russian)
9. Repina L. P. Ot istoricheskoi biografii k biograficheskoi istorii [From biography to biographical history]. *V teni velikikh. Obrazy i sud'by* [In the shadow of the greats. Images and fate]. St. Petersburg: Aleteiia Publ., 2010. 400 p. (in Russian)
10. Repina L. P., Zvereva V. V., Paramonova M. Iu. *Istoriia istoricheskogo znaniia. Bazovyi kurs* [History of the historical knowledge. Bacis course]. Ed. by L. P. Repina. 4th ed. Moscow: Iurait Publ., 2013. 288 p. (in Russian)
11. Savel'eva I., Poletaev A. Znachenie i smysl «istorii» [Meaning and sense of “history”]. *Homo Historicus. K 80-letiiu so dnia rozhdeniia Iu. L. Bessmertnogo* [Homo Historicus. To Yu. L. Bessmertnyy. 80-th anniversary]. In 2 book. Book I. Moscow: Nauka Publ., 2003. 797 p. (in Russian)
12. Favè Zh. *Fransua Viion* [Fransois Villon]. Transl. from French by V. A. Nikitina. Moscow: Molodaia gvardiia Publ., 1999. 414 p.
13. Tsaturova S. K. «Parizhskii Domostroi» i osobennosti kul'tury srednevekovoi Frantsii [“The Parisian Domostroy” and cultural features of the medieval France]. *Biblioteka i istoriia. Gosudarstvennaia Publichnaia istoricheskaia biblioteka: stranitsy istorii* [Library and History. State Historical Public Library: pages of the history]. Iss. I, part II. [B. m.], 1991, pp. 120–141. (in Russian)
14. *Chelovek vtorogo plana v istorii* [Person of the second plan in the history]. Iss. 5. Rostov on Don: IuFU Publ., 2008. 300 p. (in Russian)
15. Brereton G. Deux sources du Ménagier de Paris: Le Roman des sept sages de Rome et Les Moralitez sur le jeu des eschecs [Two soursers of Menagier de Paris: The Romance of the seven sages of Rome and The Morality of Chess]. *Romania. Revue trimestrielle consacrée à l'étude des langues et des littératures romanes* [Quarterly journal devoted to the study of languages and litiratures romans], 1953, vol. LXXIV, pp. 338–337. (in French)
16. Brereton G. Titres et termes d'adresse dans Le Ménagier de Paris [Titles and terms of address in Le Ménagier de Paris]. *Romania. Revue trimestrielle consacrée à l'étude des langues et des littératures romanes* [Romania. A Quarterly Review devoted to the researching of the roman languages and literatures]. 1958, vol. LXXIX, pp. 471–484. (in Russian)
17. Crossley-Holland N. *Living and dining in medieval Paris. The household of a fourteenth century knight*. Cardiff: University of Wales Press, 1996. 244 p.
18. Duchesne A., Leguay T. *La surprise: Dictionnaire des sens perdus* [Surprise: Dictionary of the lost meanings]. Paris: Larousse, 1990. 285 p. (in French)

19. *Dictionnaire historique de la langue française sous la dir. de Alain Rey* [Historical dictionary of the French language under the dir. of Alain Rey]. In 3 vols. Vol. 2. Paris: Le Robert, 2000. 2909 p. (in French)
20. Ferrier J. M. A Hasband's asides: the use of the second person singular in *Le Ménagier de Paris*. *French Studies (Oxford)*, 1977, July, vol. XXXI, no. 3, pp. 257–267.
21. *Journal d'un bourgeois de Paris (1405–1449)* [A Parisian Journal 1405–1449]. Ed. by A. Tuetey. Paris: H. Champion, 1881. 413 p. (in French)
22. *Journal d'un bourgeois de Paris de 1405 à 1449. Texte original et integral présenté et commenté par Colette Beaune* [A Parisian Journal 1405–1449. Original integral text presented and annotated by Colette Beaune]. Paris: Lgf, 1990. 539 p. (in French)
23. *Chronique d'un bourgeois de Verneuil (1415–1422)* [A Chronicle of Verneuil citizen (1415–1422)]. *Bulletin de la société de l'histoire de Normandie. Années 1880–83 (Rouen)* [Bulletin of the History Normandy society. Years 1880–83 (Rouen)], 1884, pp. 214–224. (in French)
24. Godefroy F. *Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IX au XV siècles* [Dictionary of the French old language and all its dialects from IX to XV centuries]. In 10 vols. Vol. V. Paris: F. Vieweg, E. Bouillon, 1881–1902. 1888. 812 p. (in French)
25. *Le Grand Robert de la langue française. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française de Paul Robert. Deuxième édition* [Alphabetical dictionary of the French language notions by Paul Robert. Second edition]. In 9 vols. Vol. 6. Paris: Le Robert, 1986. 1046 p. (in French)
26. *Le Ménagier de Paris, traité morale et d'économie domestique, composé vers 1393* [The Good Wife's Guide: A Medieval Household Book composed to 1393]. Ed. by J. Pichon. Vol. I, II. Paris: Imp. de Crapelet, 1846. Vol. I — 384 p., vol. II — 336 p. (in French)
27. Lefort Ph. *Idéologie et morale bourgeoise de la famille dans Le Ménagier de Paris et Le Second Libro de Famiglia, de L. B. Alberti* [Ideology and bourgeois family morality in *Le Ménagier de Paris* et *Le Second Libro de Famiglia, de L. B. Alberti*]. Florence: Institut universitaire européen, 1983. 26 p. (in French)
28. Rose Ch. M. *What every goodwoman wants: the parameters of desire in Le menagier de Paris. The Goodman of Paris. Studia Anglica Posnaniensia: An International Review of English Studies*, 2008, no. 38, pp. 393–410.
29. *The Good Wife's Guide. Le Ménagier de Paris. A medieval household book*. Ithaca: Cornell University Press, 2009. 384 p.

Статья поступила в редакцию 14 мая 2015 г.